

Вампира все же переодели. Глядя на него, у Ингрид хватило совести не сопротивляться и тоже сменить костюм, хотя свои вещи путешественники наотрез отказались оставлять – Все бережно свернули и убрали в сумки. Клятвенно успокоив Фанпайна, что и не подумают их одевать. Да-да, даже когда их путь будет пролегать по совершенно пустынной местности. Гляди на их «честные лица», старец тяжело вздохнул:

-- На покрой не смотрите, присмотритесь к ткани новой одежды.

-- Я заметила, -- сказала Ингрид, -- это та же ткань, из которой шьют одежду охотников на монстров. Вот только покрой... мешковат.

-- Ну не будут же крестьяне щеголять в дорогих одежках! – рассмеялся Фанпайн, -- Нам надо хоть внешне сохранять вид обычных крестьян, и пока удастся. А вам – лучшее, между прочим, детки местного барона по болотам в таком шастали, пока не померли. Мешковатое! Да охотников такого размера не бывает, а по фигуре подгонять некогда, вы вроде торопитесь.

-- Торопимся, -- вздохнул Трист, ковыряясь с завязками. – Скажи, старик, получается, это ты всех охотничьими костюмами обеспечиваешь? Зачем вам вообще тогда в земле копать...

-- А как мы нить получать будем, красить, и вообще... Мы обычно только для себя делаем, ну еще местным, кто побогаче, продаем. А остальные закупаются у купцов, проходящих через Нейтральные земли. Только с ними наши, из Роци, торговать соглашаются.

-- А в чем особенность. Плащи – понимаю, артефакт, очень хорошо маскирует. А остальное – неплохая ткань, конечно, но по виду – обычная, -- спросила девушка.

-- Плащи – не артефакт, а оберег. Очень сильный оберег. А вот артефакты в нашей местности лучше не применять. Или как последний шанс использовать. Хм, как бы объяснить... Наша магия – естественная, с природой сливается, чужую магию маскирует. А монстры издали чувствуют чужую магию и или разбегаются, если послабее, или, наоборот, сбегаются как на приманку. Все это лишнее для охотника. Так что наша одежда – единственный вариант. А артефактные вещи людей для Пустошей делаются, в основном. Официально, так сказать.

--А неофициально? – спросила Ингрид, пытаясь пристроить на себе перевязь с зельями.

-- Люди охотнее всего воюют друг с другом, -- наставительно сказал Трист. – Не вертись, давай помогу застегнуть.

-- Хорошо, няня.

-- Ну хоть не мама...

-- Мысль...

-- Никогда!

-- Ладно.

Выехали путешественники ближе к ночи. Фанпайн предлагал остаться и переночевать у него, но Трист отказался. Что-то не давало ему покоя и гнало в путь. Лошадки уже обзавелись ночным зрением, так что Фанпайн выделил из своих ребят проводника, который на Литлпроуз должен был показать тайный путь через болота.

Основная дорога была проложена только на юг, куда путешественника было совершенно не надо, и только километров через семьдесят была возможность свернуть на восток, к Хребту.

Однако, по тому, как уверенно их проводник направил лошадку прямо на восток, можно было понять, что заболотные частенько шастали в предгорья.

Ехали цепочкой: впереди проводник, потом Ингрид, а за ней Трист. С самого начала мальчик попросил их соблюдать тишину. Лошади, казалось, тоже прислушались к мнению пацана и даже не фыркали. Ингрид подмывало начать задавать вопросы, но она все же сдержалась. И тут же задумалась: а когда раньше она столько говорила, как за последнее время? «Только когда был жив учитель» -- ответила сама себе девушка. Пока он был жив, из нее постоянно сыпались «почему?», «зачем?», «как?». А оставшись одна, она вела беседы только сама с собой. Со временем эти внутренние монологи все чаще стали превращаться во внутренние диалоги. «Да-а, -- подумала девушка, -- а я и не заметила, что начала от одиночества сходить с ума. Прав был Брэтт, превратилась бы в старую сумасшедшую каргу -- и не заметила. Хотя, та наша ссора хорошо меня развлекла, энергии потом на месяц хватило! И фингал я ему красивый поставила! Ну надо же думать, к кому свататься пришел. Пусть я и одна осталась, но я алхимик.»

Да, когда умер учитель Рагнар, парни в деревне (да и некоторые их мамы) решили, что одинокую осиротевшую девочку надо прибрать к рукам. Со всем хозяйством, естественно. Но несколько умелых фингалов, множество приступов поноса и одна задушевная беседа с миссис Гардэнс -- и все закончилось. Последнее средство, как ни странно, оказалось наиболее эффективным. Рика с его склочным и вредным характером в деревне терпели только из-за его супруги. Будь она мужчиной -- давно стала бы старостой.

С Рика мысли Ингрид перескочили на Энда. Ей совершенно не жалко было лишать семейство Гардэнсов их сторожа, поскольку его многочисленное потомство давно и успешно охраняло стада на дальних выпасах. Заберут одного домой -- и будет у них снова лучший сторож в деревне. Хотя и не такой умный, как Энд. Тот сразу понял, что девушка уезжает надолго, возможно, навсегда, и принялся выть. Фанпайн долго шептал что-то в черное мохнатое ухо, прежде чем пес все же успокоился.

Ингрид казалось, что с каждым шагом ее лошади рвется какая-то ниточка, привязывающая ее к этому месту. Легкая грусть и мандраж перед неизвестностью поочередно сменяли друг друга. И в довершение пошел дождь, как будто родной край так прощался с девушкой.

Проводник заволновался и ускорился, под холодными струями тропинка стала скользкой и лошади постоянно норовили соскользнуть с нее в болотную жижу. Два раза вытаскивали лошадь Ингрид и один раз -- Литлроуз. Пришлось спешиться и вести их в поводу. Не останавливались ни отдохнуть, ни, тем более, перекусить. Когда на рассвете сквозь пелену дождя показался лес, Ингрид чуть не расплакалась от радости.

Тайная тропа заболотных вывела путников к лесной избушке, пустой, но хорошо обжитой.

-- Мы здесь останавливаемся на отдых, когда охотимся в горах -- пояснил их проводник, уводя лошадей под навес. -- Идите в дом, сушитесь, а я пока обсушу лошадей.

Домик был маленьким, судя по всему, действительно предназначен только для короткой ночевки. Зато нескольких человек: большая печка, широкая лежанка, и длинный стол едва давали просочиться по единственной комнате. Трист сразу же занялся печкой. Поленья под магией огня полыхнули сразу, но дым пошел в комнату.

-- Заслонки отодвинь, -- посоветовала Ингрид, пытаясь незаметно переодеться под мокрым

плащом.

-- Какие заслонки? – не понял вампир и взглянул на девушку, -- Сними немедленно эту мокрую тряпку! Что я там могу увидеть?! Хорошо-хорошо, я отвернулся, ты там переодевайся спокойно и рассказывай, как выглядят эти твои «заслонки».

-- Наверху, кхе..., на трубе скорее всего, задвижки железные, кхе-кха... -- мокрый плащ давно был на полу, но девушка не могла продолжать переодеваться: от дыма слезились глаза и першило в горле.

Наконец, Трист разобрался с заслонками, и дым отправился куда положено, то есть – в трубу.

-- Зачем вообще эти железки? Так неудобно, -- заметил вампир, подкладывая дров.

-- Чтобы не выдувало тепло. Это сейчас только осень. А зимой, когда холодные дожди будут лить каждый день, дом быстро остывает. Дров, особенно сухих не напасешься. Даже я знаю про заслонки, - укоризненно сказала девушка, вытирая мокрую рыжую косу. – Ты обещал научить меня плести боевые косы северян, -- невпопад напомнила она вампиру.

-- Потом. Здесь не носят таких причесок, волосы в хвост – и все дела. Ближе к северу заплетать будем. Что на ужин приготовить?

-- На завтрак, утро же.

-- А нам спать пора. Не важно, что вам приготовить, принцесса.

-- Да я ж теперь мальчик, вроде. Так что «братик». Ты привыкай, не кривись. Повтори: «братик».

-- Так, брательтник, что приготовить-то?!

Ингрид вздохнула:

-- Что угодно, только не кашу!

А вечером, когда девушка проснулась, оказалось, что Ингрид простудилась. Проводник отбыл днем, проинструктировав не нуждающегося в сне вампира, в каком виде следует оставить помещение, и показав тропу, ведущую на север вдоль Раздельного Хребта.

Трист вернулся, обнаружил, что Ингрид буквально горит, и всполошился. Оказалось, что девушка взяла кучу эликсиров: для быстрого заживления, от гноящихся ран, для восполнения сил. НО: ни одного – от простуды. «От простуды – это к знахарке» -- частенько повторяла алхимик деревенским.

Тогда вампир потребовал, чтобы девушка приняла эликсир Полного Исцеления. Ингрид отказалась: банальная простуда не требует столь редких дорогих зелий.

Трист спорил. Его почему-то приводил в ужас вид больной девушки. То есть, когда ее подрали на болотах, он был спокоен, как скала, а сейчас...

Ингрид стало смешно, сначала... Высший вампир в панике – это не для слабонервных. Никакие логические аргументы не помогали:

- Простуда пройдет сама, рано или поздно, а эликсир может понадобиться при смертельном ранении, например. А его осталось всего восемь флаконов.
- Защитить тебя от ранений я смогу, а вылечить простуду – нет! Целых восемь! Выздоровеешь – еще сваришь!
- У меня закончились ингредиенты! Я молчу, что для любого другого алхимика в походных условиях это вообще невозможно! Даже для меня трудно.
- Но для тебя – возможно. Мы движемся вдоль Раздельного Хребта, настреляем тебе ингредиентов.
- Насобираем, -- вздохнула девушка, давая слабину. Ей вообще-то тоже не нравились слабость и насморк! Но ведь это ей терпеть, а злится Трист. – В эликсире нет ни одного животного ингредиента, только растения. И не все можно найти здесь, дергаза и масляник только в Пустошах растут.
- Соберем, что нужно, здесь, остальное – в Пустошах. Туда и двигаемся.
- Простуда и сама пройдет.
- А если нет? – по второму кругу взвился Трист.
- Хорошо, -- сдалась Ингрид, -- но без полного гербария, необходимого для эликсира, мы предгорья не покинем!
- Согласен! Хоть траву, хоть мох! Даже улиток буду искать, если скажешь, только исцеляйся давай!
- Улитки – это хорошо! – поймала Ингрид вампира на слове, -- Из панцирей милоедок столько всего сварить можно!
- Будут тебе милоедки! – клятвенно заверил вампир. – Даже сердцедок могу притащить.
- У них нет панциря, только клыки! – возразила девушка и выпила эликсир.